

Наталия Стрельникова

Довоенное и настоящее

*Бахыт Кенжеев. Довоенное. Стихи 2010 - 2013 годов. М., "ОГИ", 2014, 144 стр.
Ремонт Приборов. Гражданская лирика и другие сочинения. 1969 - 2013. † М. "ОГИ", 2014, 262 стр.*

Название последнего сборника Бахыта Кенжеева "Довоенное" отсылает нас к настоящему моменту. К непростым социальным и политическим обстоятельствам, провоцирующим художников высказываться о рисках, трагедиях и опасностях, которые сейчас встают перед нами.

Пламя войны (настоящей ли, медийной ли, виртуальной ли) отбрасывает свои роковые блики на тексты, что были написаны задолго до ее возвращения в наш повседневный дискурс. И здесь невозможно не упомянуть недавно вышедшую "MISSA IN TEMPORE BELLI" Бориса Херсонского [1], непосредственно посвященную трагическим событиям последнего времени.

Однако книга Кенжеева - это не сборник гражданской лирики и не ответ на вызовы своего времени. Это поэтическая сумма трудов за 2010 - 2013 годы, и в таком контексте слово "довоенное" имеет несколько значений.

Довоенное - это нечто мирное, детское, утопическое, не омраченное страданиями, болью и несправедливостью. Некая часть личной мифологии, золотой век, воспоминаниям о котором хочется предаваться, даже если не был его непосредственным свидетелем. Довоенная Москва, довоенный Ташкент, довоенная Вена - неизведанные нами, но так легко представимые райские островки невинности, безвозвратно утраченные.

И конечно, оппозиция "война - довоенное" имеет важные культурные отсылки, например, к античной культуре с ее в какой-то мере эталонной Троянской войной и другими вошедшими в историю литературы конфликтами.

Неслучайно сборник открывается циклом "Колхида", где традиционные мифологические образы и герои (Медея, золотое руно, корабли под парусами определенного цвета) соседствуют с приметам захолустного курорта, былое величие которого еще скользит в отдельных деталях.

...как дорожили мы смолоду нетленным именем-отчеством,
но перед урочным уходом в посеядонову тьму Ч
все яснее и печальнее на неухоженном, на болотистом

побережье, унаследованном у тех мореплавателей, кому не удалось, у кого, как ни огорчительно, не выгорело. Безрукий нищий на пляже обходит курортников. Визг русской попсы из нехитрого бара. Князю - игорево, а что же нам? Неужели несправедный суд, вдовый иск?

(“Жизнь в Колхиде была б легка, когда бы не испаренья...”)

Лирический герой Кенжеева может быть уподоблен Одиссею, возвращающемуся (опять-таки с войны!) домой и предающемуся воспоминаниям и размышлениям. Чужестранец, иноземец, изгнанник в поисках не только приюта, но и культурных корней - этот образ рифмуется с фигурой самого поэта, чьи жизненные маршруты протянуты между Казахстаном, Россией и Канадой. И это уникальное положение позволяет ему принимать как античное и восточное наследие своих предков, так и ощущать себя частью европейского мира, постепенно стирающего границы национальных идентичностей.

Я люблю мою страну а какую не пойму

в честной дреме леденцовой может быть чимкент свинцовый
там где тетушки мои в серых платьях до крови
сушат персики и пламя разжигают поутру

в печке или тополями на овечьем на ветру
грустно так скрипят а может
быть Москвы усердный лес с транспарантами и без

(“я люблю мою страну а какую не пойму...”)

Странствия для героя Кенжеева важны еще и потому, что они возвращают молодость:

Вообще, в чужих краях
любая жизнь волнует сердце, ибо
ты одинок, свободен, беззащитен,
а значит, молод.

(“Странствия”)

В этом цикле предсказуемо возникает фигура бродячего поэта-дервиша (в переводе на современный профанный язык дервиш становится бомжом). А география простирается от урбанистического Сайгона до, конечно же, Москвы и почти мифического уже города Помпеи.

Оглядываясь назад, не только в 2010 год, но и на свою жизнь, Бахыт Кенжеев смакует механизм и процесс воспоминаний, кропотливо выписывая ностальгические сценки:

.....Тут, за семейным столом, все еще
Живы - тем и бесценен этот снисходительный месяц, тем и хорош -
Стар и млад, улыбаясь, дружно поют...

(“Сказка, родной язык, забытая даже предками эпопея...”)

Есть здесь и попытка конструирования собственной хронологии, нащупывание “узловых” точек проходящего мимо времени. Это цикл “Светлое будущее”, состоящий из семи стихотворений. Важно отметить, что хронология эта нелинейная. Например, за 1988 годом идет 1957, затем 1934, 1961. Свидетели каждого времени грезят о счастливом будущем и прозревают грядущее счастье, однако и поэту, и его читателям известен печальный исход этих надежд и мечтаний. Финал цикла - стихотворение “2012” также заставляет нас сомневаться в светлом будущем героя с “этим синдромом”. Он, подобно дейнековским мальчикам или Гагарину, готовится взмыть в небо, но небо метафизическое, потому что “мы станем добрые ангелы в облаках”.

Шум и гул времени, который слышит и транслирует поэт, диктует особую лексическую насыщенность языка, в ложе которого плотно укладываются метафоры и культурные константы:

Аввакум, отвечаю, вакуум, гробовая плесень
на устах. И лошадка моя - волчья сыть, травяной мешок.
Впрочем, время, шелковый лектор, даже горбатых лечит.
И быстроглазый профессор Лосев в дореформенном канотье
спускается с дачной террасы в овраг - убедиться в распаде речи,
наблюдать ледостав её на ручье.

(“Коренастый вяз за окном...”)

Конечно, находится здесь место и текстам шутивным, пародийным, своего рода small talks, заметкам на полях современной электронной реальности, в которой Кенжеев чувствует себя весьма уверенно: “Произносящий “аз” обязан сказать и “буки”. / Был я юзер ЖЖ, завел аккаунт в фейсбуке”. Сразу обращает

на себя внимание зарифмованные “буки” и “фейсбуке”, так шутливо прочерчивается путь от истоков коммуникации до самых современных способов ее осуществления.

“Довоенное” Бахыта Кенжеева - это сложное высказывание о времени, его трансформации и нашем восприятии его течения и исторических циклов. Открывая сборник рассуждением о мифологической Колхиде в современных пейзажах, завершает книгу Кенжеев правдивым и горьким наблюдением за нашими попытками оставить след в потоке стремительных дней: “Жизнь восхитительна, а все же посмотри, мой / читатель сетевой, как умирают дни - один, другой. Но памятник незримый / из муравьиных крыл и мышью беготни / соорудил и я....”.

Если книга “Довоенное” стала лирической рефлексией на тему памяти, времени и войны, то концентрированную сатиру на патриотизм и гражданственность можно прочитать в сборнике alter ego Кенжеева - сорокалетнего даровитого поэта Ремонта Приборова под названием “Гражданская лирика и другие сочинения”.

Прежде всего она интересна как кропотливо созданная литературная мистификация. Ремонт Приборов - не просто удобная маска, у него есть творческий путь, друзья и коллеги, он вхож в актуальные поэтические круги и, конечно же, имеет собственное мнение по всем политическим и социальным вопросам. Ранние опыты Приборова трогательно “задокументированы” в стенной газете ДЭЗа № 10 Тушинского района. Однако довольно быстро (конечно же, под “влиянием” более опытного товарища - Бахыта Кенжеева) поэт начинает высказываться по всем актуальным темам, облекая слова в традиционные формы од, посланий, поучений, гекзаметров, зачастую обращенных к известным литераторам. Например, к Светлане Кековой, Сергею Гандлевскому, Тимуру Кибирову и другим.

Вместе с тем “гражданская лирика” Приборова уверенно очерчивает круг реалий и примет 90-х - 2000-х годов с той точностью и прямотой, которая вряд ли была бы уместна в устах поэта Бахыта Кенжеева.

Например, цикл “Алфавит. Стихи для новых русских детей. 1996” состоит из таких понятий, как “Аккредитив”, “Банк”, “Валюта”, “Взятка”, “Дума”, “Киллер”, “Мерседес” и т. д. Гротеск и уродства “переходного периода” нуждаются в таком же гротескном способе их воспроизведения.

Тексты Приборова показывают нам его политическую эволюцию: “вначале от коммуниста к демократу, а затем - в сторону здорового патриотизма”. Не удивительно, что на страницах книги происходит горькое, но неизбежное расставание Приборова с его учителем - Бахытом Кенжеевым, которого он буквально умолял “не менять благоуханный русский квас на химическую пепси-колу”. Прозаическая серия писем, обращенных к русским литераторам, демонстрирует характерную стилистику патриотических комментариев, писем и

доносов в эпистолярной форме, которую мастерски воспроизводит автор: “А в нынешней России, несмотря на все самоотверженные усилия Владимира Владимировича ПУТИНА, Юрия Михайловича ЛУЖКОВА и Дмитрия БЫКОВА, процветает наплевательское отношение к искусству, особенно к стихотворному. Население, охваченное потребительской лихорадкой, заимствует жизненные идеалы у граждан США и других агрессивных стран, известных своим культом доллара, а в последнее время - и евро” (“Второе письмо А. П. Цветкову”).

Стихотворные эксперименты Приборова - это еще и шутовская дань графомании, которая так чутка к громким поводам и событиям. Подобные авторы обожают “высокий стиль” и “творческое переосмысление” классических текстов, бытующих в русской культуре. Причина такой литературной стратегии очевидна - “ссылки” на классиков легитимизируют любительскую поэзию. Присваивая себе голоса великих предшественников, литераторы-графоманы как бы обманным путем заручаются их поддержкой и покровительством. Тексты Ремонта Приборова доводят эту тенденцию до логичного в своей абсурдности предела. В этом смысле его “Подражания классикам” безупречны.

Так беспомощно грудь холодел,
Но шаги мои были легки
Я на правую руку надел
Перчатку с левой руки.

(“Подражание Ахматовой”)

“Гражданская лирика” Ремонта Приборова сама по себе представляется ироничным собранием сатир и пастишей, работой обаятельной, хотя и несколько специфической, но прочитанная в паре с “Довоенным”, вовлеченная в контекст подлинной поэзии Кенжеева, создает любопытный стереоскопический эффект. Оба сборника подводят итоги годам творчества, оба работают с темой времени и изменений, которые происходят на наших глазах. Но бравый литератор Приборов фиксирует исторические изменения и реалии с наивной прямолинейностью. А поэт Кенжеев выстраивает свою хронологию и пишет то о хрупких личных воспоминаниях, то о мифологических событиях, повторяющихся уже в декорациях наших дней.